

ШЕДЕВР ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Конн ИГГУЛЬДЕН

ЧИНГИСХАН
Империя серебра

Москва
2017

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
И26

Conn Iggulden
EMPIRE OF SILVER
© Conn Iggulden 2010

Перевод с английского *Александра Шабрина*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Павла Трофимова*

Иггульден, Конн.

И26 Чингисхан. Империя серебра / Конн Иггульден ; [пер. с англ. А. Шабрина]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 544 с. — (Шедевр исторического романа).

ISBN 978-5-699-96750-6

Уже три года как умер Чингисхан, но наследие его живо. Ханское знамя принял в свои руки сын великого завоевателя Угэдэй. В знак своего могущества он выстроил белый город Каракорум — столицу новой империи. Огромное серебряное древо — символ процветания и мощи — установил Угэдэй у входа в свой дворец. Но непривычно его лихим воинам так долго жить в мире, без военных походов. И послал он огромное войско во главе с лучшим военачальником далеко на запад, к последнему морю. Одолев полконтинента, монгольские тумены победоносно вышли к границам Франции и Италии. Кажется, уже никто и ничто не в силах их сдержать. И тут происходит событие, в корне меняющее судьбу серебряной империи — и всю мировую историю...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-96750-6

© Шабрин А.С., перевод
на русский язык, 2013
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Посвящается Кэти Эспинер

ДИНАСТИЯ ЧИНГИСХАНА

Пролог

Мальчик с хмурой сосредоточенностью топал мимо юрт, что теснились, как какие-нибудь неказистые раковины, разбросанные по берегу незапамятно древнего озера. Вокруг сплошь нищета и убогость, решительно во всем: в грязной желтизне войлока, латаного-перелатаного поколениями кочевых домочадцев, в блянии худосочных, с присохшей сенной трухой и навозом коз и овечек, бестолково путающихся под ногами, мешая пройти к жилищу. Бату, так звали мальчика, поругиваясь, отпинавал их с дороги, от чего из двух тяжелых ведер, которые он нес, выплескивалась вода. Вблизи жилищ воздух припахивал мочой — затхлая едкость, особенно заметная после свежего речного ветерка. Бату шел и хмурился, досадуя на то, как сложился день. С утра уйма времени ушла на рытье отхожего места для матери. Он-то думал, что угодит, и не без гордости показал ей плоды своего труда, а та лишь пожалала плечами: не хватало еще в такую даль отлучаться лишь за тем, чтобы оправиться. Мол, места, где можно присесть по нужде, вокруг и так навалом. Сиди сколько вздумается: теперь уж на меня, старую, никто не позарится. Тем более на краю становища.

В свои тридцать шесть мать была уже согбенной старухой, источенной годами и хворями. Ходила, припа-

дая на одну ногу. Зубы, особенно которые снизу, все как есть повыпали, и выглядела она, можно сказать, вдвое старше своих лет. Хотя сил на затрещину сыну ей по-прежнему хватало — иногда, когда Бату упоминал об отце. В последний раз — нынче утром, прежде чем он отправился за водой к реке. Ведра паренек со стуком поставил у входа и взялся растирать занемевшие ладони. Слышно было, как мать в юрте заунывным голосом тянет напев — какой-то давний, времен своей молодости. Бату улыбнулся. Отходчивая она все-таки, была и есть.

Матери он не боялся. За прошлый год сил и роста в нем прибавилось настолько, что он мог остановить любой ее удар. Просто делать этого не делал, а сносил их, понимая, что вызваны они неизбежной материнной горечью. Можно схватить ее за руки, унять, даже прикрикнуть, но не хотелось видеть, как она в ответ расплачется или, хуже того, униженно запричитает, а то и, что совсем уж худо, приложится к бурдюку с архи¹, чтобы полегчало. Эти моменты, когда мать напивалась до одури, были мальчику ненавистнее всего. Она тогда принималась бессвязно лопотать, что у него-де лицо отца и ей невмочь на него смотреть. Сколько раз он ее потом отчищал от нечистот; согнувшись, тер смоченной в ведре тряпицей, а она дрожащими руками придерживалась за него сверху, елозя по сыновней спине отвислыми плоскими грудями. Сам Бату уже сто раз зарекся хоть раз в жизни притронуться к архи. Из-за примера матери его воротило даже от запаха этого хмельного пойла: кислятина, неразделимо связанная с вонью блевотины, пота и мочи.

---

¹ А р х и — в Монголии крепкий алкогольный напиток, производимый из молока.

Заслышав стук копыт, Бату обернулся: любой повод хоть ненадолго задержаться снаружи казался отрадным. Ого, конники... Пускай и немного — никак не тумен¹, а голов двадцать, — но все равно событие, в этот безрадостный день поистине знаменательное для мальчугана, вынужденного обретаться на окраине становища. Все равно что гости из иного, несравненно лучшего мира.

Воины в седле держались нарочито прямо, и со стороны казалось, что они излучают непререкаемую силу. При виде этих грозных нукеров² Бату изнывал одновременно и от зависти, и от несбыточного желания оказаться в их числе. Каждому мальчишке из здешних юрт известно, что значат эти черно-красные доспехи. *Кешиктены* — отборные воины из стражи самого Угэдэя. Истории их славных битв нараспев излагали сказители в дни празднеств. Ходили из уст в уста и истории помрачнее, о кровавых изменах и предательствах. При этой мысли Бату невольно поежился. В некоторых из них значился его отец, из-за чего в сторону матери и ее полукровки-сына даже здесь, на отшибе, то и дело бросали косые взгляды.

Бату от досады плюнул себе под ноги. Он ведь еще помнил, что юрта его матери когда-то выделялась белизной и к ее входу чуть ли не каждый день приносили подарки. Мать тогда, видимо, была молодой нежнокожей красавицей, а не морщинистой беззубой каргой, как сейчас. Да, дни тогда были совсем, совсем другие — пока отец не предал хана, за что и был, как ба-

¹ Т у м е н — наиболее крупная организационная тактическая единица монгольского войска XIII — XV вв., численность которой составляла обычно 10 000 всадников.

² Н у к е р — дружинник на службе знатного господина в период становления феодализма в Монголии.

ран, забит на снегу. *Джучи*. Одно лишь звучание этого имени заставило сплунуть повторно. Покорись тогда отец воле великого хана, глядишь, он, Бату, был бы сейчас среди этих красно-черных красавцев-воинов, скакал бы с высоко поднятой головой среди убогих юрт. А теперь он ошивается на отшибе, а мать при одном лишь упоминании сына о несбыточной мечте по-пасть в тумен пускается в слезы.

Почти всех ребят его возраста уже забрали в войско, остались только увечные и калеки с рождения. Таким был его приятель Цан, наполовину чжурчжэнь, с бельмом на глазу. От одноглазых в туменах толку нет — ни из лука прицелиться, ни аркан как следует метнуть, — а потому воины с хохотом выпроводили его под зад коленом: отправляйся, мол, обратно овец пасти. Тогда Бату вместе с Цаном впервые опился архи, после чего два дня болел. А за самим Бату наборщики так и не наведались: отпрыски изменников в войске не нужны. Видно было, как они ходят-бродят по их части становища, присматривают ребят покрепче да поладней, — но при виде него пожимали плечами и отворачивались. Хотя и силой, и ростом он вышел весь в отца... Но, похоже, в тумене такие без надобности.

Бату вдруг замер. До него дошло: всадники направляются не куда-то мимо, а, остановившись, выясняют что-то у одного из соседей, седого старика, который, к тревожному изумлению Бату, указал на материну юрту. Мальчик буквально прирос к земле и безмолвно смотрел, как кони рысью приближаются к нему. Не зная, как быть с руками, он дважды успел скрестить их на груди, прежде чем наконец свесил вдоль туловища. Слышно было, как из юрты что-то спросила мать, но Бату не откликнулся. Попробуй тут отзовись, ког-

да к тебе близится отряд нукеров. Особенно выделялся знатный воин, что скакал впереди.

В бедных юртах никаких изображений не бывало отродясь; лишь самые богатые хошлоны¹ могли похвастаться одной-двумя картинками из империи Цзинь². Тем не менее отцова брата Бату однажды видел. Сколько-то лет назад, точно не упомнишь, в день празднества он подполз поближе и украдкой поглядел между воинами, чтобы лицезреть самого хана. Угэдэй и Джучи тогда состояли при своем отце, великом Чингисхане, и воспоминание это осталось самым ярким пятном во всей горько-сладкой череде детских лет Бату. Быть может, это был проблеск той жизни, которая могла бы у него сложиться, не погуби ее опрометчиво отец из-за какой-то там размолвки, суть которой Бату и не уловил.

Угэдэй скакал с непокрытой головой, в глянцеви-то-черных пластинчатых доспехах. За спиной билась коса, сплетенная на цзиньский манер, — тугим узлом на бритом наголо черепе. Бату пожирал всадника глазами, как мясо ртом, а в это время из юрты снова подала голос мать. Сын великого хана смотрел прямо на него — более того, он к нему обращался, — но Бату словно окаменел, а язык отказался повиноваться. Между тем пристальные желтые глаза оказались совсем близко, и Бату оторопело понимал, что на него сверху вниз смотрит родной дядя, но не мог при этом вымолвить ни слова.

— Он что, слабоумный? — произнес один из воинов.

Бату хватило только на то, чтобы закрыть открытый рот.

¹ Хошлон — большой шатер.

² Империя Цзинь — государство в Китае (1115—1234), управлявшееся чжурчжэньской династией Цзинь.

— Мальчик, к тебе обращается мой повелитель Угэдэй. Или ты глухонемой?

Внизу от живота горячо хлынуло вверх, стиснуло горло. Бату потрянул головой, внезапно разозленный тем, что столько людей прискакали к материнской юрте. Что они подумают? Что скажут о заштопанных стенах, о дурном запахе, о мухоте? Бату почувствовал себя униженным, а потому потрясение быстро переросло в гнев. Но и при этом он не произнес ни слова. Мать рассказывала, что такие же вот красно-черные убили его отца. А жизнь оборванца-сына стоит в их глазах немногим больше.

— У тебя что, совсем голоса нет? — задал вопрос Угэдэй. При этом он чему-то улыбался.

— Почему же, есть, — сипловато ответил Бату.

Один из нукеров свесился с седла. Удара мальчик не ожидал, и лишь слегка покачнулся, когда рука в кольчужной перчатке обхватила ему сбоку голову.

— Есть, *господин*, — с нажимом, хотя и без злобы, сказал воин.

Мальчик, выпрямившись, попробовал стряхнуть руку. Ухо зажгло, хотя Бату знал боль и покрепче.

— Голос есть, *господин*, — повторил он, стремясь запомнить лицо обидчика.

Между тем Угэдэй обсуждал Бату так, будто того здесь не было:

— Выходит, это не домыслы. В его лице я вижу своего брата, и ростом он уже не ниже моего отца. Сколько тебе лет, мальчик?

Бату стоял тихо-претихо, пытаюсь привести в порядок неугомонные мысли. Какой-то своей частью он неизменно подвергал сомнению слова матери о том, как высоко стоял его отец. И теперь так просто и одно-

значно убедиться в правоте ее слов оказалось выше его сил.

— Пятнадцать, — выговорил он и, видя, как вновь подается в седле тот нукер, поспешно добавил: — Господин.

Нукер с самодовольным кивком принял прежнее положение.

— Вот как? — Угэдэй нахмурился. — В такие годы начинать уже поздновато. Боевая выучка должна начинаться с семи, самое большее с восьми лет. Иначе хорошего воина из тебя не получится. — Заметив смятение Бату, он улыбнулся, довольный произведенным впечатлением. — Ну да ладно, посмотрим, на что ты годен. Завтра доложишь темнику Джэбэ. Его стан в дневном переходе к северу, возле аила под горой. Отыщешь?

— У меня нет лошади, господин, — признался Бату.

Угэдэй поглядел на нукера. Тот, подавив вздох, слез с седла и передал поводья мальчику.

— Ну а скакать ты хотя бы умеешь? — спросил он надменно.

Бату принял поводья и благоговейно погладил лошадь по мускулистой шее. Такого великолепного животного он прежде и не касался.

— Да-да. Скакать я умею.

— Хорошо, если так. Но это не твоя кобылица, ты меня понял? Она домчит тебя до места, а там ты возвратишь ее мне, а себе подыщешь какую-нибудь клячу.

— Я не знаю твоего имени, — сказал Бату.

— Звать меня Алхун. Спроси любого в Каракоруме, меня каждый знает.

— В городе? — переспросил Бату заворуженно.

Ему доводилось слышать о каменных чертогах, что возводятся сейчас над землей бесчисленным множе-